

творчества? Или другой міръ ему показался менѣ метафизичнымъ, чѣмъ здѣшній? Или бытіе, къ которому мы привыкли, показалось ему единственно возможнымъ?

Эта другая жизнь не должна быть понимаема какъ нѣчто абсолютно противоположное здѣшней, но только какъ другая форма жизни, въ другихъ, но столь же конечныхъ условіяхъ; абсолютнаго дуализма нѣтъ и не можетъ быть. Нельзя допустить, чтобы индивидуальное зерно, выработавшееся столькими вѣками въ личное сознаніе, внезапно обрывалось и пропадало. Мы сами сознаемъ, что это сознаніе есть только первая ступень и далеко не совершенная. Какая будетъ эта форма, каковы будутъ условія этой жизни, намъ неизвѣстно, и понять этого мы не можемъ, подобно тому, какъ куколка не можетъ понять, что она превратится въ бабочку, какъ ребенокъ въ утробѣ матери не можетъ понять того міра, въ которомъ мы теперь живемъ. Человѣкъ естественно безсмертенъ, то есть, естественно переходитъ въ другую сферу бытія, гдѣ его душевное состояніе будетъ естественнымъ послѣдствіемъ дѣлъ и мыслей его земной жизни; поэтому радости и печали этой будущей жизни не будутъ наградой или наказаніемъ, а естественнымъ послѣдствіемъ естественной причины,

Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе духовнаго начала; это онъ долженъ помнить прежде всего,